КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
Симашенков П. Д. Политриторика в публичном праве России: терминологический аспект // Концепт. – 2015. – № 01 (январь). – ART 15021. – 0,7 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2015/15021.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.
ART 15021 УДК 321.01:340.113
Симашенков Павел Дмитриевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры ГМУ и правового обеспечения государственной службы ЧОУ ВО «Международный институт рынка», г. Самара
pavel.simashenckov@yandex.ru

Политриторика в публичном праве России: терминологический аспект

Аннотация. *Статья посвящена практике выявления и анализа элементов псевдоюридических, политически ангажированных деклараций в нормативно-правовых актах. По мнению автора, юридическая конструкция предшествует норме, детерминируя развитие права. Изучение норм конституционного, административного, уголовного и уголовно-процессуального права России позволило автору выявить наиболее типичные тенденции употребления терминов и языковых конструкций в квазиюридическом контексте.*
Ключевые слова: *публичное право, терминология, политика, риторика.*
Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

Никто не помешает нам перевыполнить наши законы.
Виктор Черномырдин

Основной функцией юридических терминов в нормативном тексте является как можно более точное выражение соответствующего понятия. Взаимозависимость юридических понятий и соответствующих им терминов оптимизирует процесс нормотворчества, важнейшая роль в котором отводится анализу и уяснению содержания каждого конкретного термина, установлению его связи с формулируемым понятием. Бесспорно, грамотность и уместность употребления юридической терминологии в контексте каждой конкретной нормы – залог высокого качества закона, стабильности его существования.

Вместе с тем необходимо отметить: отождествление юридической терминологии с терминологией нормативно-правовых актов [1] порождает однобокий взгляд как на юридическую технику, так и на право в целом (признавая таковым лишь законодательство).

По мнению автора, гораздо эффективнее разделить массив терминов по сфере применения. В зависимости от указанного критерия можно различать:

- терминологию правовой доктрины;
- терминологию нормативно-правовых актов;
- терминологию правоприменительной практики;
- терминологию интерпретационных актов.

Таким образом, правовая терминология в русском языке – сложный феномен, неоднородный в генетическом и структурном отношениях. Его развитие проходит в русле как общеязыковых (смысловая, словообразовательная и лексическая вариативность), так и собственно терминологических тенденций (стремление к словообразовательной упорядоченности и дифференциации понятий). Нетрудно заметить, что обозначенные тенденции во многом антагонистичны. Более того, вариативность – самое яркое свидетельство бессистемности юридической терминологии.

Общие требования к термину можно разделить на три группы [2].

1. Формальные:

- соответствие нормам общелитературного языка;
- краткость;
- способность к деривации;

– системность;
– мотивированность;
– инвариантность.

2. Семантические:
– фиксированность содержания;
– однозначность;
– полнозначность;
– отсутствие синонимов.

3. Прагматические:
– внедренность;
– современность;
– интернациональность;
– благозвучность;
– эзотеричность.

Юридические термины, в свою очередь, должны соответствовать еще более жестким критериям, обеспечивающим единство терминологического поля и его стабильность при употреблении терминов. Автор счел необходимым перечислить ключевые требования, предъявляемые в первую очередь к терминам нормативно-правовых актов:

– минимизация использования иноязычной терминологии в законодательном тексте;
– ограниченное использование терминов, выраженных устаревшими словами;
– доступность понимания термина;
– общепринятость используемого термина;
– нормированность термина;
– стилистическая и экспрессивная нейтральность термина;
– тождественность понятия и выражающего его термина;
– максимально четкое дефинирование юридических терминов, нуждающихся в пояснении значения;
– отсутствие коннотации (дополнительной семантической нагрузки, вызванной социокультурными факторами).

В свете сказанного представляется особо важным анализ норм публичного права России на предмет соответствия имеющихся там терминов вышеобозначенным критериям. Данные отрасли, регулирующие в первую очередь отношения государства и его органов с гражданами, наиболее ярко иллюстрируют тенденцию подменять правовые понятия политическими декларациями.

В частности, в последнее время широкое распространение в России получила практика использования терминов в разных законах в особенном смысле, только «для целей настоящего закона», что не способствует унификации нормативной правовой терминологии. Неверная трактовка юридических конструкций является следствием попытки дедуцировать ее непосредственно из нормативного материала. По мнению автора, юридическая конструкция предшествует норме, детерминируя развитие права.

Изучение норм конституционного, административного, уголовного и уголовно-процессуального права России позволило автору выявить наиболее типичные тенденции употребления терминов и языковых конструкций в квазиюридическом контексте.

Несогласованность в применении терминов, языковые погрешности и тавтологии в тексте закона

Отсутствие единообразия в терминологической базе значительно усложняет правоприменение. Ситуация усугубляется, если не согласованы нормы материаль-

ного и процессуального права. В частности, в Уголовном кодексе РФ содержится упоминание о *судебных приставах и судебных исполнителях* (ст. 295, 296, 298, 311), а в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст. 16, 31, 32) и Федеральном законе «Об исполнительном производстве» (ст. 3) – о *судебных приставах-исполнителях*.

Согласно п. 6 ст. 8 проекта Закона о полиции [3], «полиция в соответствии с законодательством Российской Федерации *предоставляет* сведения о своей деятельности средствам массовой информации по запросам их редакций, *а также путем проведения* пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах». Из содержания приведенной фразы не явствует, являются ли пресс-конференции и рассылки вариантами предоставления сведений.

Конфликт интересов [4] приводит… к *причинению вреда правам* и законным интересам граждан, организаций, общества или государства (п. 1 ст. 10 Закона о противодействии коррупции). Норма сформулирована некорректно – права можно нарушить, вред же причиняется конкретным лицам.

Организация деятельности экстремистской *организации* (ст. 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ. – *Примеч. авт.*). *Организатором* признается лицо, *организовавшее* совершение преступления или руководившее его исполнением (ч. 3 ст. 33 УК РФ) – классический пример тавтологии: в дефиниции содержится определяемое слово.

Использование в качестве терминов слов, не отличающихся экспрессивной нейтральностью

Несмотря на многочисленные попытки устранить эмоционально окрашенные термины (например, замена «*измены Родине*» на «*государственную измену*»), Уголовный кодекс Российской Федерации не избавлен от подобных дефиниций и юридических конструкций. Наименования некоторых составов преступлений по-прежнему имеют экспрессивный колорит. Например, «вооруженный *мятеж*» (ст. 279 УК РФ) или «*развязывание* агрессивной войны» (ст. 353 УК РФ). В ст. 214 УК РФ вандализм определяется как «*осквернение* зданий и иных сооружений», причем в самом тексте статьи содержание термина «осквернение» не раскрывается.

Характеристика объективной стороны деликтов также содержит «термины», не отличающиеся объективностью: *тяжкое оскорбление* (ст. 107 УК РФ), *обезображивание лица* (ст. 111 УК РФ), *злостное уклонение* (ст. 157 УК РФ), *бесчеловечное обращение* (ст. 5 проекта Закона о полиции).

Региональные законы в этом отношении еще более показательны. Так, в ст. 10–2 Закона Республики Мордовия от 12 июля 2002 г. «Об административной ответственности на территории Республики Мордовия» используется термин, имеющий ярко выраженную эмоциональную окраску – «*бытовое дебоширство*».

Употребление оценочных понятий

Главным критерием употребления оценочных понятий в юридических нормах должна быть их незаменимость. При этом нормативная дефиниция оценочного критерия требует максимально ясной и доступной формулировки. Однако обилие оценочных «терминов» в продуктах российского правотворчества свидетельствует об обратном: отсутствие ясной трактовки оценочного критерия создает возможности для ухода от ответственности. Симптоматично, что особенно много таких понятий в уголовном и антикоррупционном законодательстве РФ.

Таким образом, специфика построения нормы служит на благо коррумпированной власти, обеспечивая ее самосохранение. Например, п. 3 ст. 9 проекта Закона о полиции предписывает: «В случае применения к гражданину мер, ограничивающих

его права и свободы, сотрудник полиции обязан разъяснить ему причину применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности, кроме случаев, когда такое разъяснение невозможно либо *неуместно».* Очевидно, что неуместность абсолютно субъективное понятие, создающее предпосылки для произвола правоохранителей.

В диспозиции ст. 285 УК РФ фигурирует «*существенное нарушение* прав и законных интересов граждан». Следовательно, в случае признания нарушения несущественным ответственность должностного лица за злоупотребление должностными полномочиями исключается.

В таком же ключе следует толковать и слово «явный» применительно к конструкциям «*явного несоответствия*» (ст. 37 УК РФ), «*явного неуважения* к обществу» (ст. 213 УК РФ), «*явно выходящих* за пределы полномочий» (ст. 286 УК РФ). Даже дефиниции грешат оценочностью: хулиганством называется *грубое нарушение* общественного порядка (ст. 213 УК РФ).

Юридическое обеспечение антикоррупционной деятельности [5] переполнено оценочными критериями («*разумные сроки», «дискредитирующие обстоятельства», «превышение служебного положения, полномочий, власти, статуса*»). Национальный план противодействия коррупции недвусмысленно указывает: «создание системы контроля деятельности государственных и муниципальных служащих со стороны институтов гражданского общества» должно происходить в рамках, исключающих «возможность *неправомерного вмешательства* в деятельность государственных служащих**»**. В условиях отсутствия скольких-нибудь конкретных критериев отличия «правомерного» вмешательства от «неправомерного» подобные нормы призваны оправдать административный произвол либо в сокрытии фактов коррупции, либо в организации показательных аутодафе в отношении наиболее одиозных персонажей.

Наличие в законодательном тексте источников латентной информации

Присутствие в норме неявной информации более оправданно в цивилистике, обеспечивая право дозволения. Законодатель может намеренно создать юридическими конструкциями некий правовой вакуум, учитывая предполагаемое развитие правоотношений (например, «в *иных случаях*, предусмотренных законом»).

В публично-правовых отраслях, где доминирует императивный метод регулирования, необходимо максимально сократить источники латентной информации, поскольку она не только осложняет толкование нормы, но и способна полностью извратить цель ее применения.

Применительно к проблеме имплицитного весьма показательны конструкции, в которых прилагательное «иной» сочетается с оценочными понятиями: *иная личная заинтересованность* (ст. 285 УК РФ), *иные тяжкие последствия* (ст. 126, 128, 205 и мн. др. УК РФ), *иные действия*, направленные на *заглаживание вреда* (ст. 61 УК РФ).

Ст. 228 УК РФ предусматривает ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их *аналогов*. Несмотря на запрет уголовного закона по аналогии (ст. 3 УК РФ) термин «*аналоги*» в УК РФ существует, безгранично расширяя список предмета указанного преступления.

Согласно п. 2 ст. 24 проекта Закона о полиции, вооруженный сотрудник полиции «имеет право произвести выстрел на поражение <…> если это лицо пытается достать что-нибудь из одежды без команды сотрудника, либо совершить *другие действия*, которые могут быть расценены сотрудником полиции как угроза насилия или завладения его оружием».

Употребление этих терминов расширяет дискреционные полномочия правоприменителей, т. е. имплицитная информация в нормативном тексте – мощный коррупциогенный фактор.

Коллизии, пробелы и конкуренция норм

Не секрет, что пробелы и спорные вопросы в праве, оставляющие ситуацию неурегулированной или недостаточно отрегулированной, значительно расширяют полномочия чиновников и способствуют процветанию коррупции. Так, в п. 7 ст. 8 проекта Закона о полиции указано: «по заявкам редакций средств массовой информации в порядке, определяемом *федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел*, осуществляется аккредитация журналистов для освещения деятельности полиции». Здесь, помимо чисто стилистических неровностей, содержится противоречие закону о средствах массовой информации, определяющему совершенно иную процедуру аккредитации. Следовательно, доступ журналистов к информации о деятельности полиции будет существенно ограничен.

Есть серьезная проблема и в том, что сотруднику полиции запрещается ссылаться на *распоряжение руководства*, но при этом недавно принятые поправки в УК РФ предусматривают уголовную ответственность для сотрудников милиции (полиции) за *неисполнение приказа* (ст. 232 УК РФ). Таким образом, полицейский оказывается в «вилочной ситуации» – приказ есть, но ссылаться на него нельзя.

Используемый в ст. 22 проекта Закона о полиции термин «*телесные повреждения*» не соотносится с понятием «*вред здоровью*», содержащимся в УК РФ, ограничивая пределы ответственности полицейских за неправомерные действия.

В ст. 282.1 УК РФ предусмотрена ответственность за организацию *экстремистского сообщества*, в ст. 282.2 – за организацию *экстремистской организации*, а в ст. 210 УК РФ – за создание *преступного сообщества (преступной организации)*. В ст. 35 УК РФ приводится дефиниция преступного сообщества (преступной организации), каковым считается *сплоченная организованная группа*, созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. В то же время в ст. 282.1 экстремистским сообществом называется простая *организованная группа лиц* (без признака сплоченности и указания на цель с учетом категорий преступлений). А понятие экстремистской организации с точки зрения теории соучастия вообще никак не раскрывается. Следовательно, квалификация деяний по данным статьям исключительно затруднена, особенно если учесть давний спор о соотношении видов и форм соучастия.

Несоответствие термина смыслу правового понятия и множественность терминологических эквивалентов одного и того же понятия

Однозначность термина в тексте закона заключается не в единственном его значении, а в одинаковом восприятии и единообразном толковании данной терминоединицы в пределах конкретной отрасли права.

Существенную помощь при устранении коллизий и пробелов в законодательстве способны оказать систематизация понятийной материи, устранение синонимов и замена их корректными терминологическими единицами. Анализ законодательства выявляет массу проблем в обозначенной сфере.

Например, в соответствии со ст. 90 Федерального закона от 21 июля 1997 г. «Об исполнительном производстве» на действия судебного пристава-исполнителя может быть подана *жалоба*, а в соответствии с гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ – *заявление.* В Конституции Республики Мордовия от 21 сентября 1995 г. применяется и термин «*законы Республики Мордовия*» (ст. 4, 70, 89), и термин «*республиканские законы*» (ст. 61).

Весьма широко и неоднозначно трактуется в антикоррупционном законодательстве России само ключевое понятие коррупции. Так, в тексте Национального плана противодействия коррупции, помимо обозначенных в п. «а» ст. 1. I раздела терминов «*коррупция*» и «*коррупционное правонарушение*», содержатся еще «*коррупционные преступления*» (в том же пункте), «*коррупционные проявления*» (п. «з» ст. 3 II раздела), «*коррупционные риски*» (ст. 4 II раздела), «*лоббистская деятельность*» (ст. 5 II раздела), «*преступления коррупционной направленности*» (ст. 3 IV раздела).

Подобное разнообразие дефиниций, никак не уточненное в Федеральном законе «О противодействии коррупции», напоминает «правовую» базу процедуры «раскулачивания» в годы тоталитаризма.

Однако и сам Федеральный закон «О противодействии коррупции» содержит в себе юридический нонсенс, причем в главной дефиниции. В первой его статье коррупция определяется как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное *незаконное использование* физическим лицом своего должностного положения *вопреки законным интересам общества и государства* в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

Помимо того что составы преступлений обозначены некорректно (в частности, в УК РФ предусмотрено злоупотребление *должностными полномочиями*, а не *служебным положением*), наблюдается логическое несоответствие между незаконным использованием и формулировкой «вопреки интересам». Из текста нормы следует, что вполне возможно вопреки интересам общества и государства законно использовать свое должностное положение в целях получения выгоды. Сама конструкция «*интересы общества и государства*» как минимум является спорной, так как у государства не может быть интересов, отличных от интересов общества. Таким образом, приведенная дефиниция в полной мере иллюстрирует идеологизацию права, не изжитую в современной России.

В Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах РФ также есть неясные термины, так и не получившие четкой дефиниции. Например, в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ) *апелляционная инстанция* определяется как суд, рассматривающий в *апелляционном порядке* уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры и постановления суда. Представляется, что в данном определении требует разъяснения и понятие «*апелляционный порядок*».

В ст. 245 УК РФ (Жестокое обращение с животными) содержатся термины «*гибель*» и «*увечье*», никак не определяемые. В то же время в разделе о преступлениях против личности употребляются термины «*смерть*» и «*вред здоровью*». Являются ли приведенные конструкции синонимичными, и по сей день неясно, в связи с чем привлечь кого-либо к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в России практически не представляется возможным. Данная статья является «мертвой» еще и потому, что в ее диспозиции указано на «*применение садистских методов*» – совершеннейший абсурд с точки зрения логики, сексопатологии и юриспруденции.

В ст. 205.1 УК РФ содействие террористической деятельности определяется как «*склонение, вербовка или иное вовлечение*». Ни одному из указанных терминов не дано точной характеристики. Сходная ситуация и со ст. 212 УК РФ, устанавливающей ответственность за массовые беспорядки: «Организация *массовых беспоряд-*

Симашенков П. Д. Политриторика в публичном праве России: терминологический аспект // Концепт. – 2015. – № 01 (январь). – ART 15021. – 0,7 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2015/15021.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

ков, сопровождавшихся насилием, *погромами*, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием *вооруженного сопротивления* представителю власти». Из текста неясно, что является критерием «массовости», отграничивающим собственно массовые беспорядки от группового хулиганства. Та же ситуация – с отграничением погромов от смежных действий.

Третья часть ст. 212 УК РФ упоминает о «призывах к *активному неподчинению*». В данном случае требуется отграничить *активное неподчинение* от *неповиновения* (влекущего административную ответственность) и *сопротивления*.

В Федеральном законе РФ «О противодействии экстремистской деятельности» в числе проявлений экстремизма указываются «*подрыв безопасности* Российской Федерации» (понятие, не нашедшее адекватной дефиниции), «*публичное оправдание* терроризма», «*возбуждение* розни», «*пропаганда* исключительности» и, наконец, «*публичные призывы* к осуществлению указанной деятельности». Важно подчеркнуть, что понятие пропаганды может как охватывать приведенные термины, так и существенно отличаться от них. Вместе с тем ни в самом законе, ни в других нормативных актах не содержится четких юридических определений указанных терминов. Таким образом, включение в текст Закона о противодействии экстремизму столь размытых понятий позволяет трактовать экстремистскую деятельность сообразно политической обстановке, избавляясь от диссидентов и политических противников.

Использование конструкций, не наполненных юридическим содержанием

Псевдоправовые конструкции, включенные в нормативный текст, противоречат основной функции юридического языка – функции долженствования. Российское публичное право наполнено оборотами, в которых отсутствует нормативный (предоставительно-обязывающий) характер. В частности, «федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел *постоянно изучает и учитывает* мнение граждан о деятельности полиции и *проводит* мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества» (ст. 9 п. 7 Проекта Закона о полиции). Не «*обязана* учитывать, изучать и проводить», а «учитывает, изучает и проводит», причем «постоянно» (периодичность и критерии оценки не уточняются).

В Федеральном законе «О выборах Президента Российской Федерации» (п. 6 ст. 36) содержится любопытная норма: «Запрещается принуждать избирателей ставить свои подписи и вознаграждать их за это в любой форме, а также проводить сбор подписей избирателей в местах и во время выдачи заработной платы, получения иных денежных выплат, оказания благотворительной помощи. *Грубое или неоднократное нарушение* этих запретов *может быть основанием* для признания собранных подписей недействительными и/или отказа в регистрации кандидата, отмены регистрации зарегистрированного кандидата». Далее, «в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, суд *может отменить* решение соответствующей избирательной комиссии об итогах голосования, о результатах выборов, иное решение избирательной комиссии» (п. 4 ст. 79 того же закона). Из смысла текста выходит, что нарушения избирательного законодательства не обязательно являются основанием для отказа в регистрации кандидата, а суд, обнаруживший подобные нарушения, может не отменить решение избирательной комиссии.

Российское антикоррупционное законодательство содержит массу образчиков как псевдоюридических конструкций («*справедливая конкуренция», «неправосудные решения», «антикоррупционная составляющая»*), так и просто ни к чему не обязывающих политических лозунгов («*предотвращение конфликта интересов», «полу-*

чение общественной аккредитации», «уважительное и бережное отношение к частной собственности*»*).

Проекты закона о полиции и дисциплинарного устава органов внутренних дел РФ [6] являют собой яркие примеры подмены юридических терминов популистскими заявлениями. Так, согласно ст. 16 Проекта дисциплинарного устава, «в целях поддержания служебной дисциплины начальник обязан предпринимать *меры антикоррупционной защиты*, обеспечивать формирование у сотрудников навыков *антикоррупционного поведения».* Начальник, *превысивший свои права* по применению поощрений и наложению дисциплинарных взысканий, несет дисциплинарную ответственность (ст. 20 Проекта дисциплинарного устава), несмотря на то что ст. 286 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за *превышение должностных полномочий*.

Сотрудник полиции при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебных отношениях должен воздерживаться от любых действий, которые могут *опорочить его достоинство, вызвать сомнение* в его беспристрастности или подорвать авторитет (п. 4 ст. 7 проекта Закона о полиции). В ст. 9 проекта Закона о полиции «полиция *должна стремиться* к тому, чтобы действия ее сотрудников, при всей своей строгости и решительности, были *обоснованными и понятными* для граждан».

Такие благие пожелания, начисто лишенные нормативного компонента, имеют своей целью отнюдь не регулирование общественных отношений, а имитацию заботы государства о благе граждан.

Вместе с тем в ст. 32 проекта Закона о полиции закрепляется презумпция законности действий ее сотрудников: «Требования сотрудника полиции, обращенные к гражданам и должностным лицам, и предпринимаемые им действия считаются законными до тех пор, пока в предусмотренном законом порядке не будет установлено иное». Таким образом, ст. 19.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях, предусматривающая ответственность за неповиновение *законному требованию* сотрудника милиции, должна утратить юридическую силу, поскольку на момент предъявления эти требования всегда считаются законными.

Апогеем легализации квазитерминов автор считает знаменитый п. 3.1 ст. 29.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», согласно которому Президент Российской Федерации вправе отрешить высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) от должности в связи... *с утратой доверия* Президента Российской Федерации. Формулировка «*утрата доверия*» настолько субъективна, что полностью лишает отрешенного руководителя региона перспективы судебной защиты. Как говорили древние римляне (а вслед за ними Муссолини), «друзьям – все, врагам – закон».

Таким образом, исследование норм публичного права России вывело автора на ряд суждений обобщающего характера.

Особую значимость для понимания юридических текстов имеет прагматический анализ. Юридическая герменевтика как методология толкования нормативных текстов основана на принципе соответствия духа и буквы закона. Противоречие между терминологической фиксацией правового понятия и его смысловым содержанием существенно снижает эффективность реализации права. Особенно опасно наполнение нормативных текстов политизированными квазидефинициями и терминами, призванными оправдать произвол государственной власти пресловутой «диктатурой закона».

КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
Симашенков П. Д. Политриторика в публичном праве России: терминологический аспект // Концепт. – 2015. – № 01 (январь). – ART 15021. – 0,7 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2015/15021.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.
ART 15021 УДК 321.01:340.113

Этатистская идеология закона рождает специфический российский парадокс: антикоррупционные нормы становятся коррупциогенными, а нормотворчество культивирует тотальный правовой нигилизм, столь характерный для российского общества и столь неистребимый.

Именно поэтому традиционным для России способом «списания исторических долгов» с наиболее одиозных госструктур является их формальное переименование (ГАИ – в ГИБДД, милиции – в полицию и т. д.) [7]. Эта разновидность правового фетишизма, характеризующаяся навязчивым стремлением решить реальную проблему при помощи простого изменения термина, получила в народе меткий диагноз – «переимено*мания*».

Ссылки на источники

1. Алексеев С. С. Государство и право: начальный курс. – М., 1993. – С. 126.
2. Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи. – М., 1999. – С. 98.
3. Проект Федерального закона о полиции // Общественное обсуждение законопроектов: офиц. сайт. – URL: http://zakonoproekt2010.ru (дата обращения 12.01.2015).
4. Симашенков П. Д. Конфликт интересов: история, теория и практика правоприменения // Развитие института резерва управленческих кадров в субъектах Российской Федерации как вызов времени и эффективный инструмент совершенствования государственной кадровой политики: сб. ст. Межрегион. науч.-практ. конф. (9 октября 2014 г., г. Самара). – Самара, 2014. – С. 290–298.
5. Симашенков П. Д., Агафонова А. С. Коррупционный потенциал уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией: российский парадокс // Актуальные проблемы современного социально-экономического развития: тез. докл. VII Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 7. – Самара: МИР, 2013. – С. 115.
6. Проект «Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации» // МВД РФ: офиц. сайт. – URL: http://www.mvd.ru/about/10000264/10000658/ (дата обращения 29.12.2014).
7. Simashenkov P. The continuity of negation as a vector of Russian political history // European Applied Sciences. – 2014. – № 7. – P. 31–33.

ISSN 2304-120X

Pavel Simashenkov,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the PA chair, International Market Institute (IMI), Samara
pavel.simashenckov@yandex.ru

The political rhetoric in Russian public law: terminological aspect

Abstract. The tendency to substitute legal terms to political statements can be perfectly illustrated by public law. The misinterpretation of legal terms appears from an attempt to deduce them directly from regulatory materials. The author considers legal structures the precursor of a norm determining law development. The analysis of the Russian Federation constitutional, administrative, criminal and procedural law regulations allowed the author to focus on typical problems of correlation between legal terminology and political rhetoric in regulatory texts.

Key words: public law, terminology, policy, rhetoric.

References

1. Alekseev, S.S. (1993) *Gosudarstvo I pravo: Nachalnyj kurs*, Moscow, p.126 (in Russian).
2. Graudina, L.K. & Shirjaev, E.N. (1999) *Kultura russkoj rechi*, Moscow, p.98 (in Russian).
3. *Project Federalnogo zakona o policii*. Available at http://zakonoproekt2010.ru (in Russian).
4. Simashenkov, P.D. (2014) “Conflict interesov: istoria, teoria I praktika pravoprimenenia”, *Razvitie institute rezerva upravlencheskih kadrov. Sbornik statej Mejregionalnoj nauchno-practicheskoj conferencii (9.10.2014),* Samara, pp. 290-298 (in Russian).
5. Simashenkov, P.D. & Agafonova, A.S. (2013) “Corruptionnyj potential ugolovno-pravovyh mer borby s corrupciej: rossijskij paradox”, *Actualnye problemy sovremennogo socialno-economicheskogo razvitia: tezisy dokladov VII Mejdunarodnoj nauchno-practicheskoj conferencii.* Vyp.7, IMI, Samara, p.115 (in Russian).
6. *Project “Disciplinarnogo ustava organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii*”. Available at: http://www.mvd.ru/about/10000264/10000658/ (in Russian).
7. Simashenkov, P. (2014) “The continuity of negation as a vector of Russian political history”, *European Applied Sciences*, № 7, pp. 31-33 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»